

С. Коненков¹. О творческом соревновании двух поэтов говорит ленинградский поэт А. Решетов². Заметки А. Дымшица «Сергей Есенин и ...»³ ставят несколько проблем в есениноведении, которые ждут своего разрешения. Некоторые из них, как, например, Есенин и фольклор, в какой-то степени уже освоены. Другие — Есенин и западная поэзия, Есенин — редактор и издатель, Есенин и театр — почти совсем не разработаны. Добавим к этому, что еще мало работ о мастерстве поэта, глубоко анализирующих его образные и словесные богатства. Совсем нет работы, по-настоящему освещающей взаимоотношения Есенина с Блоком. Ведь общеизвестно, что есенинское твор-

¹ С. Коненков, «Волнуйся, неуемный ветер!», «Простор», 1965, № 9.

² «Звезда», 1966, № 2, стр. 188—191. Статья А. Решетова написана на основе стенограммы его выступления на конференции в ИРЛИ 6 октября 1965 года.

³ А. Дымшиц, Сергей Есенин и... «Звезда», 1965, № 10.

чество долгое время находилось под влиянием Блока, оставаясь в то же время самобытным. И вообще наши исследователи еще мало обращают внимания на взаимосвязи Есенина с лучшими представителями советской литературы. Накопленный материал, опыт предыдущих работ позволяют сейчас перейти к большим обобщениям на серьезной исторической основе. К юбилею было «выдано нагора» много серьезного и нового, но не обошлось и без срывов. Кое-кто в юбилейном азарте пытался навести на Есенина «хрестоматийный глянec». Но, что самое главное — сейчас уже можно об этом говорить, — выросла новая отрасль в литературоведении — есениноведение. О Есенине начали говорить и писать как о классике советской литературы. Сделан первый шаг. Продолжить работу по освоению есенинского наследия — дело чести наших ученых.

В. ЗЕМСКОВ

ЕСЕНИН В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ*

Новый сборник воспоминаний о Есенине вышел почти через тридцать лет после первых попыток собрать воедино мемуары о поэте. И надо сразу отметить заслуги составителей рецензируемого сборника, сумевших путем умелого подбора наиболее значительных воспоминаний осветить основные периоды жизни Есенина, избежав в целом тех огрехов и просчетов, какими страдали предшествующие издания. Здесь нет сенсационных анекдотов о гуляке и бездомном «пиите», слагающем стихи

в волшебном озарении, ясно проглядывает желание раскрыть духовный мир поэта, показать сложность перипетий его короткой жизни.

К сожалению, составители не воспользовались представившейся им возможностью на материале публикуемых и оставшихся вне сборника воспоминаний ответить в предисловии на наиболее острые и до конца не разрешенные вопросы жизненной драмы Есенина. А материала для этого достаточно.

Среди наиболее значительных материалов в первую очередь следует назвать воспоминания старшей сестры поэта Е. Есениной, воспоминания А. Есениной, В. Чернявского, М. Му-

* «Воспоминания о Сергее Есенине». Сборник. Под общей редакцией Ю. Л. Прокушева, «Московский рабочий», М. 1965, 520 стр.

рашова, С. Городецкого, И. Старцева, И. Грузинова, И. Розанова, И. Евдокимова, В. Наседкина, В. Эрлиха, Н. Никитина. Бесспорно, заслуживают внимания и впервые публикуемые мемуары П. Кузько, Рюрика Ивнева, Д. Богомильского, А. Изрядновой, не говоря уже о хорошо известных воспоминаниях М. Горького и В. Маяковского.

Расширяя круг публикуемых материалов, составители сборника удачно включили в него отрывки из дневников, записных книжек и писем Блока, относящихся к Есенину.

Именно эти воспоминания определяют успех сборника и в известной мере удовлетворяют растущий изо дня в день интерес широких читательских кругов к биографии поэта. К сожалению, составители погнались за количеством — включили в книгу 56 воспоминаний, из-за чего невольно оказались в положении автора былых лодзинских реклам, обещавших за рубль двадцать набор из двенадцати предметов. Подвело и недостаточно подкрепленное материалом стремление обновить репертуар есенинских мемуаров ранее не публиковавшимися. Располагая весьма ограниченным запасом «неизвестных» воспоминаний, составители в ряде случаев явно снизили требования. Бесцельна публикация мемуаров школьных товарищей поэта Н. Калинин и Н. Титова, дающих слишком мало нового в сравнении с помещенными на соседних страницах интересными воспоминаниями его учителя Е. Хитрова и друга юности Н. Сардановского.

Вряд ли следовало печатать также воспоминания Л. Никулина и К. Зелинского, по сути дела, представляющие собой статьи.

Неоправдана публикация воспоминаний шапочного знакомого Есенина Б. Сорокина, изобилующих такими

стилистическими красотами, что диву даешься, как они могли увидеть свет на страницах столичного издания. Кроме того, что в них поэту приписываются маловероятные высказывания, они более чем наполовину состоят из рассказа, не имеющего прямого отношения к теме сборника. К этому ряду принадлежат и мемуары И. Рахилло, сдобрившего широко известные факты двумя маловероятными анекдотами; извлечения из полемической статьи Г. Деева-Хомяковского слишком фрагментарны, чтобы по ним можно было судить об описываемых событиях. Кстати, чрезмерное увлечение купированием пошло во вред и воспоминаниям Н. Полетаева, И. Грузинова, В. Эрлиха и некоторых других мемуаристов. Даже в дневниковой записи А. Блока от 4 января 1918 года сделана купюра.

Никак нельзя объяснить, почему не были включены в сборник безусловно известные составителям интереснейшие воспоминания С. Виноградской, Г. Устинова, Н. Асеева, А. Воронского. (Последнее вызывает тем большее удивление, что в ряде воспоминаний говорится о той значительной роли, которую сыграл критик в жизни поэта.) Хотя бы в отрывках следовало напечатать хранящиеся в рукописи воспоминания В. Шершеневича и Л. Повицкого.

Возможно, некоторые бытовые детали в воспоминаниях С. Виноградской и требуют уточнения, но значение их в другом — в рассказе о Г. Бениславской, о бережном отношении Есенина к поэтическому слову и товарищам по ремеслу. Мемуары Г. Устинова, пожалуй, единственные, где рядом убедительных фактов рисуется мировосприятие Есенина первых лет революции (на наш взгляд, это комментарий к

«Ключам Марии»). Воспоминания Л. Повицкого — единственный источник сведений о батумском периоде жизни поэта.

Несмотря на известную тенденциозность воспоминаний В. Шершеневича, они при умелом комментировании могут послужить полезным источником наших знаний о поэте. Имена А. Воронского и Н. Асеева достаточно красноречиво говорят сами за себя.

Как правило, издания, предназначенные массовому читателю, сопровождаются лишь кратким реальным комментарием. В этом плане не следовало бы предъявлять претензий и к составителям сборника. Однако некоторые его особенности (фрагментарность публикаций, отдаленность описываемых событий, противоречивость сведений, содержащихся в мемуарах, и т. п.) требуют отступления от общепринятых норм, хотя бы в тех пределах, как это сделано в примечаниях к воспоминаниям Блока и Маяковского.

Ничем не оправданная экономия привела к тому, что в книге отсутствует именной указатель.

Неясно также, в какой степени опубликованные материалы идентичны рукописным текстам. Ни в одном из примечаний (кроме как к воспоминаниям А. Изрядновой и Л. Клейнборта) не указано место хранения оригиналов, по которым печатаются мемуары. В то же время известная рукопись воспоминаний Н. Сардановского, хранящаяся в ИМЛИ имени Горького, так резко отличается от опубликованного текста, что возникает мысль о наличии различных вариантов.

И самое главное. В сборнике, где выступает свыше пятидесяти авторов, неизбежны смысловые повторы, про-

творения, неточности, которые становятся осязаемыми лишь тогда, когда книга собирается воедино. Здесь то и необходимо было вмешательство редактора, который бы скоординировал публикуемые материалы.

Много неясных и спорных положений встречается даже в заслуживающих внимания мемуарах, не говоря уж о мелких неточностях, вроде пресловутой поездки в Персию. Все они остаются непрокомментированными. Режут слух повторяющиеся подчас в соседствующих воспоминаниях малозначительные эпизоды. Неужели столь важно было сохранить абсолютно идентичные описания «экспедиций» константиновских ребятишек в помещичий сад, встречающиеся в воспоминаниях обеих сестер поэта (стр. 38 и 52), или повторяющийся через несколько страниц дословный пересказ последнего разговора Есенина с Клюевым (стр. 464 и 469)?

Повторы режут слух, но не вводят в заблуждение. А каково положение читателя, когда на стр. 92 сказано, что впервые Есенин напечатался в журнале «Проталинка», а на стр. 100 — в журнале «Мирок». На стр. 32 константиновский священник выступает под фамилией Попов, а на стр. 51 — Смирнов.

Василий Иванович Качалов пишет, что он «до ранней весны 1925 года... никогда не встречался с Есениным, не видел его лица» и познакомился с ним у себя на квартире (стр. 417), а художник Комарденков уверяет, что это знакомство состоялось в мастерской Г. Якулова еще в 1920 году.

В воспоминаниях И. Розанова указывается статья профессора Сакулина в «Вестнике Европы» (1916) как первый печатный отклик на поэзию Есенина (стр. 291), а П. Кузь-

ко с полным основанием приписывает эту честь себе (стр. 201).

В воспоминаниях А. Мариенгофа перу Есенина приписываются стихи А. Крученых (стр. 238), хотя эта ошибка была исправлена самим мемуаристом в «Романе без вранья». (Редактору, видимо, остался неизвестным не только этот факт, но и то, что письма к Л. Псвицкому, где приведены эти строки, хранятся в Отделе рукописей ИМЛИ имени Горького.)

Особую досаду вызывают попытки «оживить» рассказы о Есенине фантастическими подробностями, легендарность которых легко выясняется элементарной проверкой фактов. Подобными «красивостями» грешат, например, воспоминания М. Ройзмана.

Кстати, если уж мы заговорили о мемуарах М. Ройзмана, приходится отметить известные противоречия между его собственными воспоминаниями 1926 года, скромно озаглавленными: «То, о чем помню»,— и опубликованными в рассматриваемом сборнике. С годами взгляд мемуариста на место его собственной персоны в жизни Есенина явно трансформировался.

В воспоминаниях 1926 года визит поэта к нему на квартиру весной 1924 года рассматривался как чрезвычайное событие. В новых воспоминаниях этот приход представлен как один из многих (стр. 255).

Безответственны и некоторые утверждения, содержащиеся в воспоминаниях М. Ройзмана. Нельзя без иронии отнестись к его заявлению, будто эстетская, полуфиктивная «Ассоциация вольнодумцев в Москве»

была одним «из первых культурно-просветительных учреждений, основанных при Советской власти» (стр. 254). Неверно, что в 1924 году Есенин договорился о распространении журнала «Вольнодумец» с Б. Ф. Малкиным, так как последний еще в 1921 году был освобожден от работы в Центропечати, и т. д.

Зерна всегда следует отделять от плевел,— эта ординарная истина невольно приходит на память потому, что в воспоминаниях М. Ройзмана содержится материал, представляющий широкий интерес, здесь впервые публикуются записки Есенина и Луначарского, уточняются некоторые неизвестные факты и т. п.

Как ни велики погрешности редактора, вряд ли было бы справедливо перечеркнуть труд составителей, подготовивших сборник к печати, и, главное, умалять ценность целого ряда действительно интересных и содержательных воспоминаний.

И последнее, о чем приходится искренне сожалеть,— сборник не иллюстрирован, хотя есенинская иконография более чем обширна.

Вышедший громадным тиражом, в 100 тысяч экземпляров, сборник мгновенно разошелся. Это благоприятный сигнал для издателей, свидетельствующий об интересе к теме, но отнюдь не об оценке самой книги. И прежде чем приступить к ее переизданию, стоит подумать, не следует ли до этого выпустить в серии «Литературных мемуаров» сборник воспоминаний о Есенине, подготовленный на уровне современной литературоведческой науки, а затем на его базе выпустить массовое издание.

Е. ДИНЕРШТЕЙН